

- Да, именно. После этого учитель попросил всех участников потасовки написать эссе, чтобы хорошенько поразмыслить о своём поведении. Для хулиганов в этом не было ничего нового, но Ян Фэй впервые совершил нечто подобное. Он был моим соседом по парте, и я видел, как он украдкой плакал.

Когда мы вернулись в школу на следующий день, я заметил, что одежда Ян Фэя выглядела сильно помятой. От других учеников я слышал, что по дороге в школу к нему приставали гангстеры. После этого случая издевательств над ним лишь усилились. Его успеваемость на фоне стресса становилась всё хуже и хуже. Его место в классе переместилось из второго ряда в третий, последний. И теперь ему приходилось сидеть прямо перед своими обидчиками. У него совсем не было друзей, и никто не хотел вступаться за него потому, что все сами боялись стать новой мишенью.

- Однажды днем я увидел, что Ян Фэй купил новую точилку для карандашей. В тот день он до остра наточил ею сразу несколько карандашей. Когда последний урок дня подходил к концу, ученик, сидящий позади него, закинул ногу на спинку его стула. Те ребята снова начали запугивать Ян Фэя, но на этот раз Ян Фэй отреагировал на их издёвки подозрительно спокойно. Когда прозвенел звонок и учитель ушёл, группа задир привычно окружила Ян Фэя. Они якобы случайно облили водой школьную сумку и учебник Ян Фэя. Затем они ещё немного поглумились над ним, и собирались было уйти. Но в это время Ян Фэй с каменным лицом вынул остро заточенный карандаш из пенала и направил его прямо в лицо тому парню, который издевался над ним больше всех.

- Лицо того пацана в итоге, оказалось сильно исцарапано. Понадобилось сразу несколько человек, чтобы остановить обезумевшего Ян Фэя и, прижав к полу, удержать его от дальнейших попыток навредить своим обидчикам. Этот инцидент быстро достиг ушей директора. Родители агрессоров явились в школу, чтобы оказать давление на руководство, с требованием отстранить Ян Фэя от занятий. Хулиганы нацепили на себя маски полной невинности, наперебой демонстрируя взрослым, где и как именно на них было совершено нападение. Они жаловались, причитали, и напоказ рыдали перед учителями и родительским комитетом, полностью переложив на Ян Фэя всю вину за случившееся. Они рассказали, что могли даже лишиться зрения, если бы им не удалось вовремя скрутить Ян Фэя по рукам и ногам.

История приняла серьёзный оборот. Родителей Ян Фэя тут же вызвали в школу. Его отец, будучи простым и доверчивым человеком, искренне извинился перед всеми. Он сам пошёл на поклон к родителям хулиганов и умолял директора не исключать Ян Фэя. Затем, на глазах у всех отец даже своей собственной рукой ударил Ян Фэя. Это была очень сильная пощечина. Когда его тяжёлая ладонь опустилась на лицо Ян Фэя, она вместе с ударом оборвала и последний клочок его оставшейся гордости.

С того дня Ян Фэй и вовсе перестал сопротивляться обидчикам. Он замолчал, замкнулся в себе, превратившись в бездушную тряпичную куклу. Когда издеательства становились совсем уже невыносимыми, Ян Фэй стал убегать, и прятаться в туалете в одиночестве. Никто из учеников не знал, чем именно он там занимался, но по звонку на урок всегда послушно возвращался обратно в класс.

До последнего момента никто так и не понимал всей серьёзности этой ситуации. С другой стороны, никому и раньше, на самом деле, не было дела до Ян Фэя.

Так продолжалось ещё какое-то время, пока однажды, после уроков над ним снова не начали издеваться. Тогда он снова убежал и спрятался в туалете, но больше уже не вернулся оттуда.

Тогда все отправились на его поиски. И, спустя некоторое время, они обнаружили Ян Фэя потерявшим сознание в последней кабинке туалета с лицом, что было бледнее мрамора. Рядом с ним лежало лезвие, которое он вынул из точилки для карандашей.

Они подняли с пола его бесчувственное тело. И, когда его поднимали, один из студентов случайно заметил часть его оголённой руки, выглядывающей из-под длинного рукава. Он был так потрясен, что не мог не закричать.

В тот момент всем стало ясно, почему Ян Фэй всегда носил длинные брюки и одежду с глухими рукавами, независимо от того, насколько жарко было на улице...

***

Что касается прошлого Ян Фэя, рассказ Ли Бина многое объяснял. Чэнь Гэ с трудом смог успокоиться после услышанного. Этот ребенок, Ян Фэй, был самым обычным парнем. Настолько, что они могли даже случайно столкнуться с ним на улице. Тем не менее, такой безвинный ребёнок был вынужден сам наносить себе увечья.

- Самоповреждение - это был всего лишь его способ выпустить злость. Физическая боль помогает уменьшить боль психологическую, но это самый плохой метод борьбы с внешним давлением.

Кулаки Чэнь Гэ сжались. Он решительно встал со своего места.

- Ли Бин, ты не знаешь, где именно находится лазарет?

- Что ты собрался делать?

- Ты можешь показать мне дорогу туда?

Услышав историю Ян Фэя, Чэнь Гэ почувствовал жгучее желание встретиться с ним лично. Он укрепился во мнении, что Ян Фэй был одним из тех учеников, которых он искал. По сравнению с другими претендентами на роль Толкателя Двери, у Ян Фэя не было трагичной семейной истории за плечами. Он был таким же обычным парнем, как и любой другой человек, но превратности жизни довели его до черты отчаяния.

- Нет.

Ли Бин покачал головой. На самом деле он всё ещё избегал даже смотреть на Чэнь Гэ, и разговор их продолжался путем перебрасывания бесконечного количества записок. Даже если ему и приходилось что-то говорить вслух, он при этом продолжал держать голову опущенной и отвечал лишь шёпотом.

Он сочувствовал Чэнь Гэ и всем сердцем ненавидел хулиганов, но больше всего на свете сейчас боялся, что его заподозрят в дружбе с таким опасным человеком, как Чэнь Гэ. Он вовсе не хотел из-за этого случая сам стать изгоем.

Прочитав ответ Ли Бина, Чэнь Гэ спокойно кивнул ему в ответ. Он вовсе не винил Ли Бина за трусость, поскольку прекрасно понимал его.

Мир за Дверью до предела усиливал как желания, так и тайные страхи, что порой блуждали в разуме каждого обычного человека. Ситуацию усугубляло ещё и то, что отрицательные эмоции в этом мире не были скованы никакой моралью. И проявляющим их здесь не нужно было

прятаться, поэтому люди могли выражать свои негативные эмоции, не сдерживаясь.

Хулиганам нравилось контролировать других, играя с теми ничтожными остатками гордости, которая ещё оставалась у их жертв. Сторонние наблюдатели, в основном, лишь смотрели на происходящее издали, с пустым, ничего не значащим выражением на лицах или, даже иногда могли и сами присоединиться к всеобщему веселью. И, наконец, здесь были и те, кого обижали. Они давно уже привыкли к испытываемой боли и даже к тому, что постоянно становились жертвами для окружающих.

Чэнь Гэ окинул свой класс внимательным взглядом в поисках равнодушных лиц. Каждый из учеников продолжал, как ни в чём ни бывало, заниматься своим собственным делом. Драка в последнем ряду была для них всего лишь сиюминутным шоу. Они наслаждались им, будучи всего лишь наблюдателями, но никто из них не захотел поучаствовать в нём напрямую.

- Пресечение подобных издевательств в школе является прямой ответственностью не только школьной администрации, но и всех остальных учеников в классе. Во время схода лавины нет ни одной снежинки, которую бы не затронул поток. Но все, кого беда обошла стороной, думают лишь о себе и о том, чтобы им не стать следующими. И это дает хулиганам возможность каждый раз уходить от ответственности. Когда во время издевательств над другим, кто-то осмеливается встать на его защиту и сказать что-либо обидчику или же утешить жертву издевательств, всё может закончиться совсем иначе, - вслух произнёс Чэнь Гэ.

Он понятия не имел, как это может повлиять на коллективное сознание Школы, но ему казалось, что Школа на глубинном уровне была прекрасно осведомлена обо всём, что он говорит и делает.

«Во время схода лавины нет ни одной неповинной в этом снежинки. Молчание свидетелей - это их собственный вклад в травлю».

Пока Чэнь Гэ это говорил, плечи Ли Бина несколько раз вздрагивали, как будто он услышал нечто, касающееся его напрямую. Он ведь тоже, подобно другим, стоял в стороне и колебался, но, в конце концов, так не вступился за Ян Фэя.

Изначальный Толкатель открыл эту Дверь из-за школьных издевательств, и с тех пор Дверь уже стала самостоятельно искать души отчаявшихся детей, по крупицам собирая эту печальную и страшную Школу.

И Художник, и Чан Вэньюй - оба были очень сильны, но они, тем не менее, так и не стали новыми Толкателями Двери, а это может означать лишь одно: несмотря на то, что они получили одобрение школы, они всё ещё не выполнили необходимых требований для становления новым Владельцем.

В сердце Чэнь Гэ родился закономерный вопрос:

«А, если б я был таким же отчаявшимся ребёнком, что бы я надеялся увидеть, отворив эту Дверь?»

«Кровавое окружение, и постоянные издевательства хулиганов - это явно не то, что я хотел бы увидеть в Мире за Дверью. В конце концов, никто не пожелал бы, чтобы его раны снова и снова вскрывались, причиняя прежнюю боль».

«А могут ли эти издевательства, которым подвергаются все новички, прибывшие в Школу Загробной Жизни, быть своего рода испытанием? Возможно, чтобы получить одобрение

Школы, мне нужно просто прекратить все происходящие в ней издевательства и предотвратить их дальнейшее повторение?»

Глубочайшее отчаяние, зачастую, могло на корню погубить всякую надежду на спасение.

Немного поразмыслив об этом, Чэнь Гэ написал Ли Бину ещё одну записку.

Но Ли Бин не стал читать её.

Чэнь Гэ же это совсем не волновало.

Он молча положил записку на стол Ли Бина, поднялся, и вышел из класса, чтобы отправиться на поиски школьного медпункта.

Когда Чэнь Гэ уже ушёл, Ли Бин потихоньку развернул записку.

Текст в ней гласил: «Я полностью изменю эту школу».

<http://tl.rulate.ru/book/18947/2437623>